

ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД РАДЖИ ХАЛВАНИ

Дятлов Иван Иванович,

преподаватель специализированного учебно-научного центра НГУ,

Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 11/1;

младший научный сотрудник Института философии и права СО РАН,

Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

ORCID: 0000-0002-3436-0368

i.diatlov@g.nsu.ru

Аннотация

Философия любви как субдисциплина моральной философии и истории философии проблематизирует те основания, на которых люди друг друга любят. В рамках философских дебатов вопрошаются не только источники любви, но и виды, типы любви. Соответствует ли какой-то источник определенному типу любви? В чем различия между тем, как мы любим своих родителей, и тем, как мы любим своих друзей? А чем кардинально различается романтическая любовь между двумя людьми с вышеуказанными типами? Философ из Чикаго Раджа Халвани вносит в эти дебаты двоякий вклад: и методологического, и содержательного характера. С одной стороны, его главное достижение в недавних дискуссиях заключается в строгом разделении феномена романтической любви на два типа: «романтическая любовь 1» и «романтическая любовь 2». Халвани исходит из того, что существующее недопонимание и недооценка аргументов в среде философов в немалой степени связаны с этой концептуальной путаницей – авторы просто говорят о различных феноменах. И если мы будем иметь в виду эту обоснованную разницу, наши споры станут более прозрачными. С другой стороны, профессор Халвани не предлагает концептуальных новшеств, но крайне интересным способом уточняет текущие дебаты по различным аспектам проблематики. Сюда относится дискуссия о содержании основных характеристик любви и о том, насколько это содержание выдерживает критику. Халвани уточняет такие ключевые, центральные концепты любви, как «постоянство», «эксклюзивность», «уникальность», «незаменимость». Особое внимание философ уделяет рассуждениям о том, каким образом мы можем применить существующие моральные теории к феномену любви. В заключении статьи автором предпринимается попытка свести взгляды философа на романтическую любовь в сводную таблицу.

Ключевые слова: философия любви, романтическая любовь, влюбленность, Раджа Халвани, моральная теория, эксклюзивность, постоянство, незаменимость, союз.

Библиографическое описание для цитирования:

Дятлов И.И. Философия любви: аналитический подход Раджи Халвани // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 2, ч. 2. – С. 283–301. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.2.2-283-301.

Введение

Философские споры о любви появились не сегодня. Уже Платон и древние греки сформулировали как минимум два различающихся понятия любви: а) любовь страстная, но рассудочная (*eros*) и б) любовь дружеская (*philia*). Средневековью же мы обязаны еще одним понятием – любви спонтанной, внерассудочной (*agape*). Однако наработки классической и средневековой мысли не были должным образом осмыслены, а такую попытку, как «Метафизика половой любви» Шопенгауэра, следует рассматривать не как существенный шаг вперед, а скорее как обвинительный акт предыдущему модусу философствования.

В середине 60-х годов XX века к этим философским спорам подключилась аналитическая философия не только со своими претензиями к предшественникам, но и с созидательным пафосом построения новой философии любви. Настоящая статья является попыткой отразить небольшую часть этих дебатов среди современных аналитиков.

Раджа Халвани (Raja Halwani), профессор философии из Чикаго, широко известен своими трудами по сексуальной морали. Халвани существенно улучшил многие теоретические построения вокруг концепта «романтическая любовь», а также уточнил некоторые важные аргументы. В частности, помимо интуитивного разделения любви на несколько типов, Халвани предложил динамическую концепцию любви. Ему удалось объяснить, как происходит переключение между разными типами любви, какие факторы этому препятствуют, а какие способствуют. Кроме того, философу удалось вписать в эту динамическую модель основные концептуальные характеристики любви и увязать их с описываемыми типами романтической любви. И хотя Халвани не обращает внимания на формализацию своих представлений, в целом это позволяет эксплицировать основные переменные и продвинуть дискуссию дальше. Основные взгляды философа изложены в монографии «Любовь, секс и брак»¹ [2].

Романтическая любовь

Значимый вклад философа в дебаты о любви касается его фундаментального разделения любви на «**романтическую любовь 1**» и «**романтическую любовь 2**» (далее – РЛ1 и РЛ2)² с последующей попыткой разра-

¹ Это второе, существенно дополненное и переработанное автором издание.

² *Romantic Love 1/Romantic Love 2* (RL1/RL2).

ботать концептуальные связи между типами любви и общими понятиями, которые ассоциируются у нас с любовью.

Первый тип любви (РЛ1) характеризуется нашими повседневными интуициями о том, что «настоящая» любовь – это страсть, желание или совокупность желаний. Мы одержимы другим человеком, постоянно о нем думаем, хотим и ищем физической близости с человеком, которого любим. Раджа пытается выделить несколько критериев такой любви:

- 1) такая любовь глубоко страстная, что сродни одержимости другим человеком;
- 2) весь фокус внимания и основные ресурсы любящего направлены на объект любви;
- 3) любящий постоянно испытывает сильнейшее, постоянное, а часто и эксклюзивное сексуальное желание в отношении своего любимого;
- 4) часто такая любовь (но не всегда) является не заботой о благополучии другого, а приумножением своего благополучия и эмоционального капитала.

Второй тип любви (РЛ2) можно описать в более спокойных тонах. Люди, вовлеченные во второй тип любви, не всегда ощущают бурю эмоций и полный химический коктейль. Данные отношения более целесообразно описать как менее эгоистичные, связанные с обязательствами, привязанностью и партнерством. Список критериев, отделяющих второй тип любви от первого, сильно разнится:

- 1) такая любовь более спокойная, устоявшаяся, менее страстная (что не отрицает моментов страсти и эмоциональных всплесков);
- 2) любовь, фокус внимания и ресурсы могут быть рассредоточены;
- 3) сексуальное желание в отношении любимого часто непостоянно или слабо выражено (по сравнению с РЛ1). Сексуальное желание во втором типе любви может и вовсе отсутствовать либо же быть неэксклюзивным;
- 4) любовь и отношения пронизаны глубокой привязанностью, обязательствами и партнерством.

Почему Халвани настаивает на том, что второй тип любви также является любовью? У философа есть несколько соображений в защиту своей позиции.

Во-первых, наши повседневные интуиции подтверждают как первый тип любви, так и второй. Когда мы видим пожилую пару, которая проявляет заботу и нежность в отношении друг друга, мы с равной готовностью произносим фразу «*Они так любят друг друга!*», как и в случае молодой пары, между которыми видна страсть и «химия».

Во-вторых, сексуальное желание присутствует и во втором типе любви, пусть и не столь крепкое и частое. В долгих, продолжительных отноше-

ях есть своя эмоциональная и физическая близость, кардинально отличающаяся от близости между друзьями и родственниками. Люди в данных отношениях сожительствуют, делят кровать, планируют общие активности и отказываются от части своей личной и сексуальной автономии, чего не происходит (или лишь частично) в отношениях с родственниками и друзьями.

Отдельный интересный вопрос, который ставит Раджа: почему первый тип любви очень часто не переходит во второй? Философ оговаривается сразу, что нет никакой стадийности и обязательной преемственности между типами любви. Любовь одних может перерасти из первого типа во второй, а любовь других может вовсе «проскочить» первый тип. Основная гипотеза (помимо критерия намерений) заключается в том, что РЛ1 в значительной степени характеризуется сексуальным желанием наряду с искаженными представлениями о личности и качествах объекта любви. Если с течением времени сексуальное желание угасает (а оно угасает), то необходимо найти в любимом те качества и свойства личности, которые позволят трансформировать отношения в РЛ2. В большинстве случаев переходу от РЛ1 к РЛ2 препятствует несколько факторов: а) либо нет серьезных намерений; б) либо угасает страсть и желание; в) либо люди осознают, что свойства личности и характер любимого несовместимы с тем, чтобы сформировать более прочный и продолжительный союз.

Любовь и влюбленность

При этом следует отделять романтическую любовь от влюбленности (*infatuation*). Профессор Халвани описывает несколько критериев, которые могут прояснить разницу между романтической любовью и влюбленностью [2, р. 23–26].

1. Критерий взаимности (*reciprocity*). Предполагается, что влюбленность по определению длится меньше, чем любовь. Это связано прежде всего с тем, взаимно ли то чувство любви, которое направлено на другого человека. Если чувство оказывается взаимным, отношения двух людей перерастают в полноценную романтическую любовь. Если же чувство не находит отклика в другом человеке, то любовь затухает, хотя и не всегда безболезненно. Временной промежуток между возникшим чувством и осознанием неразделенности этого чувства другим есть влюбленность.

2. Критерий неверного представления (*wrong imagination*). Британский философ Сьюзен Мендус предложила другое основание [4]. Возможно, краткость периода влюбленности и скорое осознание невозможности дальнейшей любви связаны не столько с взаимностью чувства, сколько с воображением в ярких красках образа желаемой и необходимой любви. Но в скором времени люди приходят к выводу, что это вовсе не то, что им действительно (по-настоящему) нужно. Вполне возможно, что рок-звезда

или кинорежиссер – отличные кандидаты для страстного любовного увлечения, но это не отвечает нашим потребностям.

3. Критерий несовместимости (*inconsistency*). Джон Армстронг, профессор философии из Австралии, выдвинул еще один критерий [1]. Армстронг предположил, что влюбленность можно охарактеризовать через конечное осознание несовместимости двух людей.

Грубый, но проясняющий позицию пример. Студентка влюбляется в своего преподавателя. Здесь нет никаких искажений и неверного представления: преподаватель действительно умен, отзывчив и приятен в общении. Однако социальная дистанция и этический кодекс университета препятствуют тому, чтобы любовь сложилась. Даже если есть ответные чувства со стороны преподавателя, оба осознают те препятствия, через которые нужно будет преступить, чтобы достичь своего счастья, и решают благоразумно успокоить свои страсти.

Косвенно эту позицию подтверждает и классическая литература. На этом лейтмотиве построено огромное количество классических нарративов: между ними огромная социальная пропасть, но, невзирая на невзгоды и отчуждение со стороны социального окружения, они вместе, и счастье их никто не сможет разрушить. Проговаривание проблем и комплексов через литературу говорит нам о том, что в реальности такие сюжеты заканчивались более скупо и прозаично.

Скорее всего это не исчерпывающий список возможных критериев. Однако даже эти три довольно успешно справляются с нащупываемой разницы между романтической любовью и влюбленностью.

Основания любви

Еще одной философской головоломкой является попытка выяснить, существуют ли основания для любви. Мы можем выделить два подхода к описанию любви и возникающие в связи с этим затруднения.

Любовь без оснований (*no-reason view*). Когда мы полагаем, что субъект *X* любит *Z* без каких-либо оснований, то, как правило, речь не идет о качествах личности, за которые *X* полюбил *Z*. Это может быть одностороннее чувство, которое один человек проецирует на другого человека, форма благодарности или безусловное ощущение любви (*unconditional love*). Важно отметить, что такой подход к пониманию крайне специфически объясняет связь между любовью и ценностью человека: именно любовь, а не какие-либо качества личности делает человека ценным в глазах другого. Соответственно, существуют следующие философские затруднения для такого понимания любви:

а) если мы не способны ответить на вопрос «Почему один человек любит другого?», то это нивелирует уникальность данного человека. Если дело не в

его красоте, его уме, социальном статусе и умении держать речь, то зачем мы его любим?

б) если любовь сродни аномальной эмоции, а эмоции часто имеют рациональную подоснову, то в чем особенность любви? Очень часто и совсем не без причины мы ощущаем гнев, грусть, зависть и злость;

в) если любовь возникает без причины, то она также без причины может и исчезнуть. В таком случае концепт «постоянства» к любви неприменим;

г) если любовь возникает без причины, то это ставит под угрозу понятие эксклюзивности отношений. Если мы полюбили человека без каких-либо на то оснований, тогда мы также способны полюбить и другого человека (синхронно);

д) это противоречит нашим интуициям об уникальности любви. Если мы любим беспричинно, то мы можем полюбить как Z , так и Y . При таком подходе очень сложно обозначить критерии незаменимости;

е) данный подход ставит под сомнение наши интуиции о том, как мы хотим быть любимы. Мы не хотим, чтобы нас любили просто так. Мы ощущаем, что достойны любви, что являемся хорошими людьми и что наши достоинства говорят сами за себя.

Любовь «за что-то» (*reason view*). Когда мы утверждаем, что субъект X имеет все основания любить Y , мы полагаем, что Y обладает такими характеристиками и свойствами, которые и являются доводами в пользу любви. Данный подход позволяет более содержательно высветить связь между любовью и ценностью какого-либо человека: мы ценим и любим человека за то, что он обладает некими качествами. Однако и здесь мы сталкиваемся если не с полностью симметричными затруднениями, то, по крайней мере, сходными по содержанию:

а) данный подход не может объяснить, почему любовь переживает те основания, на которых возникла. Если человек любил другого за какое-то конкретное качество личности, но оно оказалось утеряно, следуя этому подходу, нужно предположить конец любви. Однако в действительности любовь очень часто не прекращается;

б) данный подход сам себе противоречит. Если источник какой-либо эмоции теряет свою силу и влияние (скажем, причины гнева или особой эйфории исчезли), то эмоция постепенно угасает. Однако с любовью этого не происходит. В реальности любовь часто переживает свои изначальные основания;

в) такой подход ставит под сомнение концепт «постоянства» в любви. Если причин для моей любви больше нет, то любовь с неизбежностью должна уйти;

г) такой подход ставит под сомнение эксклюзивность любви. Если X обладает такими же качествами, как Y , то у нас есть столько же оснований

любить Y , сколько и X . Если мы не любим так же Y , как X , тогда мы нерациональны;

д) данный подход угрожает понятию уникальности в любви. Если X обладает теми же качествами, что и Y (и Z), то что такого особенного в X ? Почему он уникален для меня? Кроме того, качества людей могут варьироваться по некоторой шкале: кто-то более начитан и умен, а кто-то менее. Если Y обладает теми же качествами, но в большем объеме или лучше их использует, то разумно заменить X на Y ;

е) это просто противоречит нашим повседневным интуициям о том, как люди влюбляются. Очень часто люди влюбляются «просто», «вообще», без каких-либо оснований.

Мы не можем отдать предпочтение какому-то одному подходу. Однако Раджа Халвани отмечает, что есть некоторая корреляция между подходами к основаниям и типам любви. Оба подхода обладают своими достоинствами и недостатками, но первый подход (*no-reason view*) скорее больше характеризует РЛ1, в то время как второй (*reason view*) более характерен для второго типа любви (РЛ2) [2, р. 30].

Алан Соубл отмечает, что интуитивный выход из этого спора мог бы заключаться в рассмотрении конкретных характеристик, достоинств и недостатков, на основании которых мы любим или ненавидим [7]. Однако в действительности такой подход обречен на неудачу: люди не обладают какими-то особыми и уникальными качествами, которые релевантны в определении причин любви. И хотя люди действительно обладают некоторыми уникальными характеристиками (ДНК, отпечатки пальцев), такие характеристики мало что могут нам сказать про то, почему люди любят. Обычный перечень оснований для любви будет включать в себя ум, физическую привлекательность, деньги, социальный статус, доброту, что не является уникальным. Чем больше мы будем уточнять качества и характеристики, тем менее у нас останется пространства для ответа на вопрос «Почему X любит Y на основе таких мелких и незначительных характеристик?».

Марта Нуссбаум предложила сместить фокус внимания с абсолютных качеств на относительные (*relational properties*) [6]. Дело не столько в том, какими качествами обладает человек вообще, а какие конкретно актуализируются в отношении другого и делают его счастливым.

Это многообещающий подход, и он позволяет решить сразу несколько проблем (как минимум эксклюзивности и уникальности). Если мы спросим Игоря о том, почему он любит Ольгу, то он может указать нам на то, что только с ней ему хорошо. Только с ней он может быть в плохом настроении, и она будет его терпеть. Только она и никто другой будет терпеть такой бардак в квартире.

Однако и этого недостаточно. На самом деле терпимость Ольги к слабостям Игоря не делает ее уникальным объектом любви. Мы можем указать на то, что Елена, Катерина и Маша также способны терпеть его слабости и изъяны, т. е. они также способны сделать Игоря счастливым. И это не дает ответа на вопрос «Почему ты любишь именно Ольгу, а не Машу, Елену или Катерину?». Иначе говоря, относительными качествами мы близко приближаемся к адекватному объяснению эксклюзивности любви, но теряем такую важную опору в виде причин, или оснований для этой любви.

Американский философ Нико Колодный предложил третий способ решения данной проблемы [3]. Возможно, ответ кроется не в абсолютных или относительных характеристиках личности, а в самом указании на отношения. Быть в отношениях – достаточное основание для ответа на вопрос о причинах и основаниях любви. Колодный рассуждает следующим образом. Если мы спросим любого родителя о том, почему он любит своего ребенка, хотя на свете есть тысячи детей более красивых и умных, то ответ последует незамедлительно: «Потому что он(-а) мой сын (моя дочь)!» Наши интуиции подсказывают нам, что этого ответа достаточно в случае отношений родитель–ребенок. Философ делает дальнейший шаг и полагает, что ответа «Это моя жена/это мой муж» или «Это тот человек, с кем я разделяю свою жизнь» должно быть достаточно для поиска причин любви.

Однако и здесь предостаточно затруднений. Несложно представить себе ситуацию, в которой индивид перестал быть любящим, заботливым, а стал агрессивным, абьюзивным и безразличным. Эти отношения более не представляют никакой ценности для другого человека, в них нет даже намека на те основания любви, которые когда-либо были. Указание на факт наличия отношений больше не может объяснить факт любви. Да, мы находимся в отношениях, но почему мы до сих пор любим этого человека, учитывая, насколько он ужасен и невыносим?

Раджа Халвани предлагает рассмотреть критерий от обязательств и совместной истории (*the history-commitment view*). Это любопытный подход, который обосновывает уникальность отношений иным способом [2, р. 38].

Каузальный смысл данной позиции заключается в том, что два человека дают обязательства друг перед другом. Люди счастливы в присутствии другого и благодаря тому простому факту, что они есть друг у друга. Оба обладают такими качествами, которые позволяют им любить, и никто не обладает такими качествами, которые препятствуют этим отношениям. Кроме того, оба индивида разделяют общую историю (взаимоотношений), пусть подчас и недолгую. В таком случае мы можем сказать, что все перечисленные пункты способствовали установлению обязательств перед друг другом. Чаще всего это происходит естественным путем, без каких-либо сознательных усилий. Если люди съезжаются вместе или решают за-

ключить брак, мы полагаем, что вместе с этим согласием они подразумевают некоторую сумму обязательств внутри этих отношений.

Концептуальный же уровень отражает сам смысл любви. Когда мы любим кого-либо, мы рассматриваем человека как объект нашей заботы и постоянного внимания. Такая реакция не является спорадической, случайной, но оказывается важнейшим элементом отношений, частью добровольных обязательств по отношению к партнеру.

Какими преимуществами обладает анализ на основе критерия истории и обязательств? Во-первых, мы всегда можем оценить адекватность тех обязательств, которые добровольно наложили на себя индивиды. Во-вторых, мы легко можем справиться с объяснением постоянства и эксклюзивности любви. Поскольку один человек имеет обязательства перед другим, это является достаточным основанием для того, чтобы не любить другого человека и отказаться менять одного партнера на другого. Это не значит, что человеку запрещено любить другого, но, по крайней мере, у нас есть рациональное указание на обязательства одного человека перед другим. В-третьих, именно ссылка на историю отношений отличает X от Y . Только X был с индивидом в отношениях N -время, которое невозможно повторить и которое характеризует отношения между X и Y . Если бы это были отношения между X и Z , это были бы совсем другие отношения.

Однако, принимая данную позицию для описания романтической любви и обоснования уникальности-эксклюзивности отношений, мы теряем объяснительный принцип для РЛ1. Если романтическая любовь второго типа действительно чаще характеризуется заботой о другом, обязательствами и какой-либо историей между людьми, то первый вид романтической любви более взрывной, эмоциональный и непостоянный, где обязательства не осознаются, а забота может и не подразумевать глубокой погруженности в личность и обстоятельства жизни человека.

Но, возможно, нам и не нужно заострять на этом внимание. Если мы определили два разных типа романтической любви, которые мы характеризуем, применяя различные критерии, то мы просто добавили еще один элемент различения между РЛ1 и РЛ2.

Важнейшие концептуальные характеристики любви

Эксклюзивность (*exclusivity*). Эксклюзивность в отношениях обычно имеет следующий смысл: если один индивид любит другого в течение некоторого времени, то значит, что он любит в этот промежуток времени только этого человека. Один человек в один промежуток времени.

Некоторые теоретики пытаются растянуть понятие эксклюзивности на всю жизнь индивида. Эксклюзивные отношения – это когда любовь длится до момента смерти другого. Это чрезвычайно требовательное определе-

ние, которое противоречит нашим интуициям о стандартном понимании эксклюзивности. Такое понимание претендует на статус «морального идеала», но не стандарта отношений. Мы не судим людей за то, что им не удалось построить эксклюзивные отношения длиною в целую жизнь.

Почему мы вообще считаем, что любовь обладает таким качеством, как эксклюзивность?

Возможно, дело в том, что люди в повседневном восприятии смешивают РЛ1 и РЛ2, подводя любовь под общую рамку. Безусловно, романтическая любовь первого типа видится как страстная одержимость, где оба любовника настолько сильно вожделяют друг друга, что нет и мысли о другом объекте сексуального желания. Такие отношения создают иллюзию, что они будут длиться вечно: любовь никогда не закончится, страсть никуда не исчезнет. Это не соответствует тому, что происходит в романтической любви второго типа.

Второе предположение исходит из того, что в отношениях люди с неизбежностью разделяют друг с другом приватное пространство и проявляют на глубинном уровне взаимное доверие. Поскольку эти элементы отношений требуют траты большого количества временных и психологических ресурсов, такие отношения не могут по определению распространяться на нескольких людей. Глубокие, доверительные отношения, в которых забота о благополучии человека является важным составным элементом, не могут вмещать в себя более одного человека.

Высказанные допущения требуют подробного комментария. Для того чтобы концепт эксклюзивности в отношениях пережил любую критику, его нужно подкрепить следующими соображениями:

а) мы должны показать, что романтическая любовь – особенная, она кардинально отличается от всех других типов любви, которые не эксклюзивны. Мы не удивляемся, когда родители одновременно любят всех своих детей или же когда друзья любят своих друзей. При этом дружба может быть настолько самоотверженной, что забота о благополучии распространяется на многих, а не на одного;

б) мы легко тратим свои эмоции более чем на одного человека. Мы можем завидовать, злиться на многих людей сразу. Если любовь – это особого вида эмоция, то мы должны объяснить особенные свойства такой эмоции и чувств. Например, существуют полиаморные пары, где любовь распределена между тремя и более людьми;

в) даже если мы повседневно наблюдаем эксклюзивность, это не означает, что эксклюзивность является конститутивным элементом, строительным кирпичом романтических отношений. Полиаморные пары интересным образом иллюстрируют данный тезис. Некоторые выдвигают возражение в виде следующего утверждения: рассказанный пятнадцати лю-

дям секрет уже не является секретом. Никто не утверждает, что романтическая любовь должна распространяться на малые группы из 12–15 человек. В данном случае предложено возражение от противного: существуют явные эмпирические случаи, когда романтические отношения, забота друг о друге и приватность не ограничиваются двумя индивидами.

Постоянство любви (*constancy*). Кратко идею такой характеристики любви можно выразить следующим образом. Для того чтобы мы смогли атрибутировать романтические отношения как искренние и настоящие, они должны продлиться какой-то существенный (заметный) промежуток времени. Скорее всего мы верим в постоянство любви, поскольку между нами происходит негласное соглашение об обязательствах и верности друг другу. Принятые по вступлению в отношения обязательства сигнализируют нам о том, что если существуют обязательства, то их исполнение подразумевает некоторое постоянство.

Следует отметить, что сходные интуиции у нас есть и по отношению к другим формам любви. Родительскую любовь, как и дружескую, мы рассматриваем в категориях достаточной временной протяженности. Родительская любовь, которая длится месяц, воспринимается нами как нонсенс и абсурд по определению.

Крайний лагерь приверженцев идеи постоянства романтической любви пытается растянуть постоянство на целую жизнь. Но это неубедительная ветка размышлений, которая лишь умножает проблемы: а) мы не можем указать минимальный промежуток. Настоящее постоянство длиною только в целую жизнь; б) если любовь не длилась целую жизнь, значит, заботу и эмоции, направленные на человека, можно назвать чем угодно, но не любовью; в) прекращается ли любовь со смертью человека? (если нет, то это поднимает еще более сложные проблемы «любви к мертвым»).

Также необходимо учитывать разницу между постоянством любви и эксклюзивностью. И хотя возможны различные трактовки, Раджа Халвани предлагает следующую [2, р. 51, 52]. Если вы чувствуете любовь или романтические эмоции по отношению к своему партнеру, это делает ваши отношения эксклюзивными. Эксклюзивность в данном случае – производная от отсутствия любви и эротических эмоций по отношению к другому. Однако постоянство работает иначе. Даже если один или оба партнера верят в постоянство своих отношений, это не делает их любовь стабильной. В данном случае постоянство любви является производной от реального времени и совместного опыта проживания жизни, а не от убежденности в прочности выстроенной конструкции.

Незаменимость и уникальность (*irreplaceability and uniqueness*). Суровая правда жизни заключается в том, что мы (люди вообще) не обладаем такими уникальными чертами, которые были бы релевантны в объяснении

любви. Даже если мы обладаем очень редкими характеристиками (полиглот и канатоходец), это не поможет спасти ни постоянство любви, ни ее эксклюзивность. Полюбив одного человека за одни основания, люди легко влюбляются в других людей на других основаниях.

Незаменимость же можно понимать узко и широко. В узком смысле мы опять обращаемся к критерию от истории и обязательств: человек незаменим, поскольку только с ним на данном промежутке времени любящий находится в любовных отношениях, делит свое приватное пространство, обретает жизненный опыт. Этот жизненный опыт не будет таким же, если на это место поставить другого человека. В широком же смысле незаменимость трактуется как «способность *X* быть с *Y* в какой-то период жизни». Грустно признавать, но даже если мы глубоко ценим и любим своих партнеров, мы заменяем их другими в течение своей жизни. Это происходит по разным причинам, но естественный ход вещей говорит, что люди не единожды и даже не трижды влюбляются в своей жизни и находят людей, которые обладают способностью быть с *X* в отношениях какой-то промежуток времени. В один период времени мы находимся с одним партнером и произносим сакраментальную фразу «*Ты любовь всей моей жизни!*», а в другой момент жизни мы эту же фразу говорим другому человеку, поскольку предыдущая любовь испарилась.

Отдельная исследовательская задача – постараться нащупать разницу между незаменимостью любовных партнеров и друзей, детей и родителей. Существует интуиция, согласно которой друзья и любовные партнеры принципиально заменимы, в то время как те же категории неприменимы к детям, братьям/сестрам и родителям.

Союз (*union*). Халвани также приводит взгляды известного философа Роберта Нозика [5], который попытался сформулировать еще одну важнейшую характеристику любви [2, р. 55, 56]. С точки зрения Нозика, когда люди друг друга любят, они либо формируют де-факто, либо желают сформировать некое подобие «единой сущности», т. н. *мы*. С точки зрения философа, *мы* является не случайной, косвенной характеристикой любви, но неизменно присуща настоящей любви. Практические же следствия такого символического единения, по Нозику, следующие:

а) с тех пор как сформировано *мы*, благополучие каждого партнера связано с другим. Если что-то плохое приключается с одним, это неизменно влияет на благополучие другого. В этом принципиальное отличие от дружбы: даже если с другом случится что-то плохое, мы будем чувствовать горечь и сожаление, но эффект не будет иметь принудительной силы. Мы можем сохранить уровень своего благополучия, в то время как если партнер в романтических отношениях физически пострадал, мы почувствуем серьезное падение уровня жизни, даже если не пострадали физически сами;

б) *мы* предполагает некоторое ограничение свободы принимать решения по своему разумению. Если такой союз создан, он ограничивает автономию индивидов и сокращает пространство свобод и прав, которые были доступны одинокому человеку;

в) *мы* изменяет конфигурацию идентичности человека или, по крайней мере, в достаточной степени влияет на идентичность. Люди в таком символическом союзе становятся частью психологической личности другого: они постоянно друг о друге думают, иногда даже общаются со своим партнером в своем воображении, если того нет рядом.

К сожалению, несмотря на интересную идею и убедительное описание, Нозик не учел очевидные слабые места своего концептуального каркаса. Философ слишком поспешно связал намертво желание любить и желание (фактически необходимость) сформировать *мы*. Если союз означает все вышеперечисленные элементы (ограничение автономии, зависимость благополучия от другого и дрейф идентичности), то вряд ли мы видели бы столько любовных пар, добровольно отказывающихся от части своих прав и свобод. В этом смысле концепт «мы» сносно уживается с романтической любовью второго типа, но находится в настоящей войне с романтической любовью первого типа.

Как отмечает Халвани [2, р. 58], Нозик приписывает людям желание высшего порядка (*high-order desire*), в то время как повседневные факты любви об этом не свидетельствуют. Философ иллюстрирует это примером с шоколадкой. Представим себе Джона, который не любит шоколад. Поскольку всё окружение Джона любит шоколад, он чувствует себя не в своей тарелке. Джон желает, чтобы он мог желать шоколад. Это и есть желание второго, или высшего, порядка. Если Нозик прав, то люди желают не просто любви и романтических отношений, но ограничения своей автономии и привязки своего благополучия к благополучию другого, т. е. желают сформировать *мы*. Однако это не так: люди хотят любить и быть любимыми, но, очевидно, не держат в голове конструкцию *мы*, по крайней мере, не в том виде, в котором это представил Роберт Нозик.

Моральные основания любви

Еще одним важным спором вокруг любви является спор о моральности любви как эмоции, чувства или феномена вообще. Самый простой путь анализа любви – наложение трех стандартных нормативных теорий (консеквенциализм, деонтология и этика добродетели) в попытке узнать их позиции по поводу любви.

Что потенциально способен сказать о любви консеквенциализм? Первый ответ – всё зависит от общего эффекта любви для совокупного блага человечества. Если люди больше приобретают от любви, чем теряют,

значит любовь можно обосновать с точки зрения морали. В данном случае термин «общий эффект» позволяет нам сделать некую генерализацию, хотя в конкретных случаях утилитаризм способен запретить любовь, поскольку она деструктивно влияет на жизнь индивида. Если же человек несчастлив – он понижает уровень совокупного счастья общества.

Кантианцы уделяют большое внимание мотивам любви. Кантианская деонтология трактует мораль как долг категорический. Требования морали должны выполняться всегда, вне каких-либо условий. Как возможно обосновать нормативный характер любви в кантианской этике?

Во-первых, можно указать, что настоящая любовь включает в себя заботу о благополучии другого и тем самым подразумевает уважение к нему как к цели и отсутствие задней мысли об использовании любимого человека как средства. Однако проблема в данном случае заключается в обосновании, не нарушает ли любовь как общечеловеческое явление категорический императив, поскольку относиться с уважением и участием к людям необходимо вне зависимости от того, любишь ты их или нет.

Во-вторых, можно указать, что любовь способствует выработке некоторых качеств и характеристик личности, которые помогают нам действовать сообразно разным долженствованиям. Каждый индивид должен обладать состраданием, мужеством, щедростью и добротой. Человек, который любит, проявляет все эти качества по отношению к объекту своей любви. Если мы (как кантианцы) сможем обосновать взаимосвязь между чувством любви и реальной практикой помощи нуждающимся, если мы сможем обосновать, что такая эмоция делает нас лучше и позволяет приносить больше общественного блага, тогда моральное обоснование любви будет возможно.

Центральным концептом этики Аристотеля является добродетель (*virtue*) – особое свойство характера, которое предрасполагает человека к нужному суждению, акту или заставляет чувствовать определенную правильную эмоцию. Иными словами, добродетель – это знание срединной меры и умение действовать правильно и корректно в нужное время и в нужном месте. Добродетель нужна человеку, чтобы преуспевать и процветать по жизни, поскольку добродетели строго связаны с такими качествами личности, которые ведут нашу жизнь по правильному моральному и интеллектуальному пути. Существует также антоним добродетели – порок. Утеря добродетели, искажение или незнание точной, срединной меры в ее использовании – порок.

Ключевая проблема этики добродетели заключается в том, что в ее рамки не укладывается романтическая любовь. Если я потерял или искажил на практике такую добродетель, как терпение, т. е. стал нетерпелив и раздражителен, – я существенно ухудшил свои шансы на полную и про-

цветающую жизнь. В каком-то смысле я стал порочным человеком. Однако если я отрицаю романтическую любовь или никогда не практиковал ее (не влюблялся), я не делаю ничего плохого. Отсутствие романтической любви в жизни человека мало что может сказать о качествах личности и полноте жизни человека. Строго говоря, романтическая любовь не является добродетелью. Однако даже если мы не способны обосновать любовь в терминах этики Аристотеля, это не значит, что она под запретом. Пока любовь не толкает нас на безрассудные поступки, пока любовь не делает нас порочными – мы свободны любить как угодно и кого угодно.

Существуют не только возражения к конкретным моральным теориям, но и вообще к самой попытке определить моральность любви.

1. Любовь явно не находится в сфере нашего рационального контроля. Мы редко выбираем и рационально взвешиваем, в кого нам влюбиться. Если это так, то сама попытка говорить о любви на языке «долженствований» абсурдна и излишня. Любовь не может находиться в сфере должного.

2. Любовь часто заставляет нас поступать вопреки доводам разума. Мы склонны совершать плохие поступки, покрывая своих любимых и близких. Даже если мы искренне верим в наличие у нас такой добродетели, как честность, мы легко сделаем исключение в случае нарушения закона (вплоть до убийства) со стороны нашего партнера.

3. Любовь может вводить нас в заблуждение. Мы можем оправдывать человека его особыми обстоятельствами или чертами характера. Однако чрезмерное доверие может не соответствовать как тому, какие обстоятельства привели партнера к определенному поступку, так и вовсе тому, каким человеком он является, что в целом соответствует знаменитому изречению «любовь слепа».

4. Любовь также преференциальна и по определению заставляет нарушать многие универсальные долженствования по отношению к другим. При прочих равных мы тратим свои материальные и ментальные ресурсы именно на своих родных и близких, а не на людей, которые находятся в нужде.

Однако также нельзя утверждать, что в любви не найдется места моральным соображениям. Очень часто разрывы отношений происходят из-за того, что один партнер приобрел несовместимый характер или определенные свойства (эгоистичность, мелочность). В некоторых случаях жизненный проект людей существенно обогащается при наличии в их жизни романтической любви. Однако мы вряд ли можем провести масштабное обобщение и сказать, что это характерно для всех. Более продуктивный способ обосновать любовь вообще (дружескую, родительскую, родственную), нежели любовь романтическую. Многие люди живут полной, насы-

ценной и счастливой жизнью, не практикуя романтическую любовь либо отказавшись от нее в силу разных причин.

Если мы хотим найти рациональные основания моральности любви, мы должны иметь в виду вышеупомянутые затруднения и попытаться дать на них удовлетворительный ответ.

Заключение

Систематизируем взгляды Р. Халвани и итоги его многолетней дискуссии с коллегами о проблемах романтической любви в следующей сжатой таблице. И хотя такая попытка обречена на схематизирование и сугубо предварительна, она тем не менее позволяет нащупать концептуальную разницу между двумя формами любви.

Основные критерии различения между двумя типами любви – «романтическая любовь 1» и «романтическая любовь 2»

Характеристика	RL1	RL2
Сексуальное желание (<i>sexual desire</i>)	+++	+–
Сексуальная активность (<i>sexual activity</i>)	++	+–
Забота (<i>care and concern</i>)	+–	++
Любовь без оснований (<i>no-reason view</i>)	+	–
Любовь «за что-то» (<i>reason view</i>)	–	+
Критерий истории и обязательств (<i>HCV</i>)	–	+
Эксклюзивность (<i>exclusivity</i>)	+	+–
Постоянство любви (<i>constancy</i>)	+–	+
Уникальность (<i>uniqueness</i>)	–	–
Незаменимость (<i>irreplaceability</i>)	–	–
Союз (<i>union</i>)	–	+–
Горечь от утраты (<i>pain of loss</i>)	+–	+++
Консеквенциализм (<i>consequentialism</i>)	+–	+–
Деонтология (<i>deontology</i>)	+–	+–
Этика добродетели (<i>virtue ethics</i>)	–	–

Итак, профессор Халвани, безусловно, не является новатором в разделении романтической любви на несколько типов, поскольку такое разделение интуитивно схватывалось разными философами и ранее. Основной же вклад философа в текущие дебаты связан с попыткой представить динамическую структуру любви с акцентом на содержании каждой перемен-

ной. Если ранее дебаты шли об объеме (границах) двух концептов любви, то Халвани предлагает смотреть на взаимосвязи. С одной стороны, такая задача провоцирует философа объяснять динамику любви (что препятствует, а что способствует переключению между разными формами и типами романтических отношений), а с другой – заставляет более содержательно прочерчивать связи романтической любви с моральной философией и такими общими понятиями, как «союз», «незаменимость», «постоянство», «забота» и т. п. В этом смысле Халвани предлагает нам дальнейший вектор философских исследований: как и в зависимости от чего будет меняться наше восприятие любви, если вышеуказанные переменные будут меняться не синхронно? Скажем, какие переходные типы романтических отношений возможны, если в них существует как глубокая привязанность, так и легкомысленная страсть? Или же как возможна любовь, где нет эксклюзивности и постоянства, но люди ощущают себя в «в союзе» (единой сущностью)? И хотя сам Халвани довольно скупо обсуждает такие комбинации, его общая концепция динамической любви располагает к дальнейшей дискуссии.

Литература

1. *Armstrong J.* Conditions of Love: The Philosophy of Intimacy. – New York: W.W. Norton and Co., 2003. – 176 p.
2. *Halvani R.* Philosophy of Love, Sex, and Marriage. An Introduction. – New York: Routledge, 2018. – 438 p.
3. *Kolodny N.* Love as valuing a relationship // The Philosophical Review. – 2003. – Vol. 112, N 2. – P. 135–189.
4. *Mendus S.* Marital Faithfulness // Philosophy. – 1984. – Vol. 59, N 228. – P. 243–252.
5. *Nozick R.* Love's Bond // The Philosophy of (Erotic) Love. – Lawrence: University Press of Kansas, 1991. – P. 417–432.
6. *Nussbaum M.* Love and the Individual: Romantic Rightness and Platonic Aspiration // Reconstructing Individualism: autonomy, individuality, and the self in Western thought. – Stanford: Stanford University Press, 1986. – P. 257–281.
7. *Soble A.* The Structure of Love. – New Haven: Yale University Press, 1990. – 374 p.

Статья поступила в редакцию 11.11.2021.

Статья прошла рецензирование 05.02.2022.

DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.2.2-283-301

PHILOSOPHY OF LOVE: ANALYTICAL APPROACH OF RAJA HALWANI

Diatlov, Ivan,

*Lecturer of Specialized Educational Scientific Center
of Novosibirsk State University,
11/1 Pirogova Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation;
Junior Researcher
Institute of Philosophy and Law SB RAS,
8 Nikolaeva Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-3436-0368
i.diatlov@g.nsu.ru*

Abstract

Philosophy of love as a subfield of moral philosophy and history of philosophy questions the very foundations of how people love each other. Within the philosophical debate, not only the sources of love but forms and types are questioned. Does the source of love correspond to a concrete form of love? What is the difference between parental love and friendship love? What is the main difference between romantic love and the abovementioned? A philosopher from Chicago, Raja Halwani made a methodological and pithy impact in the debate. On the one hand, his main achievement in the recent debates is the distinction between two kinds of love: romantic love 1 and romantic love 2. Halwani notes that the main disagreement among philosophers stems from the fact that philosophers usually don't see this difference. And if philosophers would keep this difference in mind, it would clarify our debates. On the other hand, professor Halwani doesn't propose a conceptual novelty but interestingly refines the current debates on love's aspects. These debates are debates concerning the main characteristics of love and how we can defend these characteristics. Halwani clarifies the central concepts of romantic love such as "constancy", "exclusivity", "uniqueness", "irreplaceability". The philosopher devoted special attention to reflections upon how exactly we can apply existing moral theories to love. At the end of the article, an attempt is made to compound many of Halwani's statements about RL1 and RL2 in a unified table.

Keywords: philosophy of love, romantic love, infatuation, Raja Halwani, moral theory, exclusivity, constancy, irreplaceability, union.

Bibliographic description for citation:

Diatlov I. Philosophy of Love: Analytical Approach of Raja Halwani. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 2, pt. 2, pp. 283–301. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.2.2-283-301.

References

1. Armstrong J. *Conditions of Love: The Philosophy of Intimacy*. New York, W.W. Norton and Co., 2003. 176 p.

2. Halwani R. *Philosophy of Love, Sex, and Marriage. An Introduction*. New York, Routledge, 2018. 438 p.
3. Kolodny N. Love as valuing a relationship. *The Philosophical Review*, 2003, vol. 112, no. 2, pp. 135–189.
4. Mendus S. Marital Faithfulness. *Philosophy*, 1984, vol. 59, no. 228, pp. 243–252.
5. Nozick R. Love's Bond. *The Philosophy of (Erotic) Love*. Lawrence, University Press of Kansas, 1991, pp. 417–432.
6. Nussbaum M. Love and the Individual: Romantic Rightness and Platonic Aspiration. *Reconstructing Individualism: autonomy, individuality, and the self in Western thought*. Stanford, Stanford University Press, 1986, pp. 257–281.
7. Soble A. *The Structure of Love*. New Haven, Yale University Press, 1990. 374 p.

The article was received on 11.11.2021.

The article was reviewed on 05.02.2022.